

Статья-прокламация против Шедо-Ферроти

Д. И. Писарев. Литературно-критические статьи. Избранные
Вступительная статья, комментарии, примечания и редакция Н. Ф.
Бельчикова
Государственное издательство "Художественная литература", М., 1940
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnl@lib.ru

Глупая книжонка Шедо-Ферроти сама по себе вовсе не заслуживает внимания, но из-за Шедо-Ферроти видна та рука, которая щедрою платою поддерживает в нем и патриотический жар, и литературный талант. Брошюра Шедо-Ферроти любопытна, как маневр нашего правительства. Конечно, члены нашего правительства не умнее самого Шедо-Ферроти, но что делать, мы покуда от них зависим, мы с ними боремся, стало быть, надо же взглянуть в глаза нашим естественным притеснителям и врагам.

Обскурантов теперь, как известно, не существует. Нет того квартального надзирателя, нет того цензора, нет того академика, нет даже того великого князя, который не считал бы себя умеренным либералом и сторонником мирного прогресса. Считая себя либералом, как-то неловко сажать людей под арест или высылать их в дальние губернии за печатно выраженное мнение или за произнесенное слово. Правительство наше, которое все наголо состоит из либералов, начинает это чувствовать. Александру Николаевичу совестно ссылать Михайлова и Павлова; сослать-то он их сослал, но, боже мой, что это стоило чувствительному сердцу! Студенту Лебедеву проломили голову, но правительству тут же сделалось так прискормно, что оно напечатало в газетах объяснения: так и так, дескать, это случилось по нечаянности, ножнами жандармской сабли. Словом, наше либеральное правительство уважает общественное мнение и для своих мирно прогрессивных целей пускает в ход благородные средства, как то: печатную гласность. Валуев и Никитенко сооружают газету с либеральным направлением, а при этом и продолжают все-таки преследовать честную журналистику доносами и цензурными тисками. Публицист III Отделения, барон Фиркс, Шедо-Ферроти тож, по поручению русского правительства, пишет и печатает в Берлине брошюры без цензуры; великодушное правительство смотрит сквозь пальцы на ввоз этого заказанного, но официально запрещенного товара; его продают открыто в книжных лавках; не давая своего официального разрешения, правительство упрочивает за книжкою заманчивость запретного плода; допуская и поощряя из-под руки продажу книжки, правительство обнаруживает свое великодушие. О, как все это тонко, остроумно и политично! А между тем журналам не позволяют разбирать книжонку; Шедо-Ферроти, как прошлую осень Борис Чичерин, объявляются личностями священными и неприкосновенными {1}. Горбатого одна могила исправит; наши умеренные либералы ни при каких условиях не сумеют быть честными людьми, наше правительство никогда не отучится от николаевских замашек. У него есть особенный талант оподлеть всякую идею, как бы ни была эта идея сама по себе благородна и чиста. Например, все порядочные люди имеют привычку на печатное обвинение отвечать также печатно и защищаться, таким образом, тем же оружием, каким вооружен противник. Наше правительство захотело доказать, что оно тоже порядочный человек. Находя, что Герцен несправедливо обвинил его, наше правительство высылает своего рыцаря. Кажется, очень хорошо и благородно. Но посмотрите поближе. Произведение Шедо-Ферроти впущено в Россию, а сочинения Герцена остаются запрещенными. Публика видит, что Герцена отделяют, а того она не видит, за что его отделяют. Конечно, и "Полярная звезда", и "Колокол", и "Голоса из России", и грозное "Под суд!" известны нашей публике, но ведь все эти вещи провозятся и читаются вопреки воле правительства; стало быть, если оценивать только намерения правительства, то надо будет убедиться в том, что оно хочет чернить Герцена, не давая ему возможности оправдываться и обвинять, в свою очередь. Чернить человека, которого сочинения строжайше запрещены! Подло, глупо и бесполезно! Заказывая своему наемному памфлетисту брошюру о Герцене, правительство, очевидно, хочет продиктовать обществу мнения на будущее время. Это видно по тому, что мнения, противоположные мыслям Шедо-Ферроти, не допускаются в печати. Правительство сражается двумя оружиями: печатного пропагандою и грубым насилием, а у общества отнимается и то единственное средство, которым оно могло и хотело бы воспользоваться... Обществу остается или либеральничать с разрешения цензуры, или итти путем тайной пропаганды, тем